

в душевную чистоту простых людей («Юный Кнут Аксельброд») и искренне им симпатизирует («Мотыльки в свете уличных фонарей»). Но уже в таких новеллах, как «Вещи» и «Ивовая аллея», угадывается почерк автора «Эрроусмита»: в них зрело, убедительно показано, как деньги и собственность калечат человеческую психику. Рассказы 30-х годов поражают своей грустью: с горечью пишет Льюис о том, как бездушные дельца от науки оскорбляет благородный порыв старого историка («Письмо королевы»), а столь цепко владевшая писателем иллюзия, что в бегстве на лоно природы — выход из отупляющей серости городской «цивилизации», развенчивается им же в новелле «Земля».

Даже малая часть из написанного Льюисом критиком, собранная в сборнике, дает представление о его эстетическом кредо. Это кредо насмешливого и наблюдательного сатирика, неутомимого обличителя «долларовой» культуры.

Автобиографические очерки «Я пробиваюсь в печать» и «Я бывалый газетчик» освещают самый ранний, малоизвестный этап литературной деятельности Льюиса: прежде чем написать «Главную улицу» и «Элмера Гэнтри», он с неутомимостью, свойственной юности, упрямо продвигался по стезе провинциальной журналистики, накапливая богатейший запас наблюдений, который лег в основу его прославленных романов. В 1914 году он писал о том, что «каждый мыслящий писатель наших дней рисует личные судьбы своих героев на фоне ожесточенной борьбы, которая угрожает самому существованию строя, имеющего капитализмом». Лучшие романы Льюиса помогали расшатывать этот строй. В ответе Комитету по Пулитцеровским премиям он еще раз недвусмысленно заявил, что не желает следовать буржуазно-респектабельному «кодексу хорошего тона».

В 1930 году Льюис произнес большую речь в Стокгольме, прозвучавшую как манифест американской реалистической литературы. Он во всеуслышание назвал Драйзера ее главой. Это свое выступление он озаглавил неожиданно, но точно — «Страх американцев перед литературой», писатель имел в виду многочисленных отечественных бэббитов. Интересны его оценки собственных произведений: в «Неопубликованном предисловии» к «Бэббиту» мы находим исключительно резкую критику американского мещанства, в заметке о «Кингсблэде» писатель дает широкое толкование своего замысла — он видит свою цель не только в

осуждении расизма, но и в утверждении гражданского мужества простого американца. За три года до смерти Льюис обратился к литературной молодежи с небольшой статьей «Не надейтесь вознестись на Олимп!». Она явилась его своеобразным завещанием. Он призывал внимательно вглядываться и вслушиваться в жизнь, непрестанно учиться мастерству у классиков. Первыми среди них назвал Толстого, Достоевского и Чехова.

Этот интересный сборник углубляет наши представления о творчестве большого американского писателя.

Б. Гиленсон

Романы Жоржа Сименона

Жорж Сименон. Желтый пес. Цена головы. Негритянский квартал. Президент. Предисловие Эмануэля Д'Астье де ля Вижери. Переводы с французского Евг. Загорянского и Т. Лещенко-Сухомлиной. Редактор Л. Борисевич. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 480 стр.

Огромный поток западного детективного чтения, авторы которого воспитывают убийц и насильников, почти заставил нас забыть, что человеконенавистничество отнюдь не обязательный атрибут каждого детективного романа. Книги Жоржа Сименона — тоже детективные романы. Но Сименон человекен и добр. Его герой — инспектор Мегрэ — никогда не отступает от своего долга: он находит преступника и передает виновного в руки правосудия. И все же нередко душою Мегрэ ближе к этому преступнику, чем к вершителям закона, потому что в обществе, о котором пишет Сименон, не только убитый, но подчас и убийца — жертвы бесчеловечной природы этого общества.

Только случайно рыбак Леон Ле-Гэрек и его невеста Эмма, обманутые и преданные доктором Мишу и компанией, не становятся убийцами («Желтый пес»), а убийца Ян Рудек («Цена

голова»), чья талантливость тратится на хитроумный план преступления, мог бы в иных условиях дать миру великие открытия. Герои Сименона безмерно одиноки, отгорожены стеной взаимного непонимания от самых близких людей — и стена эта сложена из денег. Маленькие люди, они, так или иначе, падают под тяжестью ноши, которую нести не под силу.

Чувства писателя глубоко уязвлены одиночеством, беззащитностью, слабостью человека перед фатальным могуществом денежных отношений, но разум его не вступает в единоборство с враждебным миром. Писатель не идет до конца в анализе причин и следствий, в поисках сил, которым под стать сражение с подобным противником. Не этим ли объясняются и характерные особенности детективных романов Сименона?

Тщетно будем мы искать в них увлекательно-неопро-

вержимую логику расследованной Шерлока Холмса или поразительный аналитический ум Дюпена, пленяющий читателя Эдгара По. Инспектор Мегрэ — средний человек, мягкий, добрый, отзывчивый, и в его поисках главную роль играет не мысль, а чувство и интуиция. К тому же имеет он дело не с экстраординарными событиями, а с рядовыми преступлениями повседневности, с преступниками, рожденными определенной средой. Действие не разворачивается в романах Сименона со стремительностью пружины, оно течет плавно, задерживая внимание читателя на описаниях нравов того круга, к которому принадлежит жертва или преступник, детально раскрывая особенности социальной психологии.

Это сближает две, на первый взгляд не пересекающиеся линии творчества Сименона — его детективные и его, условно говоря, психологически-бытовые романы типа «Негритянского квартала». Попробуйте перечитать детективный роман

Сименона, когда настоящий преступник вам уже известен, вы увидите в истории Эртена или Рудека так же, как в истории Жозефа Дююша («Негритянский квартал»), одну из формул западного реалистического романа последних ста лет — рассказ о столкновении маленького человека с буржуазным обществом, об утрате им иллюзий, о бунте чувств, кончающемся неминуемым поражением. Жозеф Дююш отказывается делать карьеру «белого человека», отвергает мир условных чувств и ложных буржуазных ценностей. Он переселяется в туземный квартал и сводит свою жизнь к удовлетворению самых примитивных потребностей. Но победа Дююша, обретающего на миг человеческое достоинство, — это пиррова победа, ибо его руссоистский негритянский рай естественных чувств (Сименон не позволяет нам обольщаться) — это не более как страусова попытка спрятать голову от жизненных бурь: не случайно в падении и гибели Дююша

такую роль играет дурманящая сознание чича.

Тоскливое чувство жалости к людям со всей тщетой их существования рождает романы Сименона. И даже если Сименон обращается к фигуре иного плана и рисует в «Президенте» портрет крупного государственного деятеля-честолюбца, он избирает минуту угасания, когда перед лицом смерти старый, дряхлый Медведь (Клемансо называли Тигром) ощущает иллюзорность своей власти и отрекается от нее, как от суеты сует.

Жоржу Симену более пятидесяти лет. Число романов, им написанных, давно перевалило за полторы сотни. Надо заметить, что если «Негритянский квартал» и «Президент» действительно принадлежат к интересным образцам психологически-бытовых романов писателя, то среди великого множества его детективов можно было наверняка найти более интересные для первого советского издания вещи, чем «Желтый пес».

Л. Зонина

Издано
за рубежом

Греция борется

Κωστα Κοτζια, Γαλαρια νομμερο
επτα. Αθηνα, «Κοιφελη». 1960.

С большим интересом была встречена в Греции новая книга Кодзьяса «Забой номер семь».

Участник греческого Сопротивления, воспитанник ЭПОН — организации, которая в годы фашистской оккупации объединяла демократическую молодежь Греции, — Кодзяс начал свой путь в литературе как драматург и переводчик. Его первый роман «Закопченное

небо», принесший автору известность, вышел в Афинах в 1957 году. Это была одна из первых книг о борьбе греческого народа против фашизма. В ней Кодзяс рассказал о положении рабочего класса своей родины, о судьбе борцов Сопротивления после окончания войны. Однако в этом романе писатель не смог еще подняться до глубоких художественных обобщений.

Герои книги Кодзьяса принадлежат к мужественному поколению, вступившему в жизнь в годы могучего подъема национально-освободительной борьбы против фашизма, в которой принял участие каждый десятый грек. Вместе с отцами и дедами они сражались против оккупантов и мечтали о тех днях, когда начнут строить новую жизнь в свободной Греции.

Но плодами победы пользовались не они, а те, кто в годы войны сотрудничал с гитлеровцами и навивались на народном не-